

2

ЛЕТО

Светя телефоном, я осторожно перешагивала через пустые стаканы и спящие тела друзей моего брата.

В гостиной разило пивом, потом и плохими решениями, и я старалась вдыхать все это поменьше.

Я прокладывала путь к термостату, в восьмисотый раз задаваясь вопросом, зачем тот, кто строил этот дом, установил штуку, контролирующую комфорт его обитателей, у черного хода, а не в каком-нибудь удобном месте — возле моей кровати, например.

Мы с Кори договорились, что кондиционер будет включен. В конце концов, стоял июнь, а мой братец собирался приютить больше тридцати человек, часами выделяющихся и пытающихся перепить друг друга в нашей гостиной.

Снаружи было плюс двадцать шесть, но даже при этом плюс двенадцать на термостате — это нелепо и очень дорого. Наверняка Кори выставил эту температуру, как только я ушла. У родителей будет куча вопросов, когда придет счет, но самое важное — мне было холодно спать.

Говорят, когда дело касается гипотермии, лучше трястись, чем засыпать, — это я нашла в интернете на прошлой

неделе, после того как посмотрела фильм «Послезавтра». Это разумно, когда ты заперт в библиотеке Нью-Йорка с Джейком Джилленхолом во время начала нового ледникового периода. Совсем другое дело — одеться в четыре слоя летом. Двигаться под таким количеством ткани было довольно сложно.

Я давила кнопку «вверх», пока дисплей с подсветкой не показал двадцать три, а потом вернулась к игре в классики через вырубившихся гостей вечеринки.

Оказавшись в безопасной кухне, я включила тусклый свет под шкафчиками, давая глазам привыкнуть. Храп Кори доносился с первого этажа, и я хихикнула, представив, какое похмелье будет у него завтра, раз он даже не смог подняться наверх, в свою спальню.

Отработанными привычными движениями, стараясь не звякать стеклом по граниту, я ловко выставила на стойку свою огромную кружку, большую ложку, выбранную наугад пачку хлопьев и пакет с молоком.

— Который час?

Я подпрыгнула, высыпав целую пирамиду «Синамон Тост Кранч» и щедро плеснув молока на стойку, а полусонный Джереми Блейк закрыл раздвижную дверь.

— Где-то начало пятого, — ответила я, вытирая пролитое.

Я бросила тряпку в раковину и вошла на один из барных стульев. В моем доме, как и в любом другом по соседству, были барная стойка, кухонный стол и стол в столовой, который с избытком накрывали для семейных ужинов — раз в год в лучшем случае. Я почти всегда ела одна, пристроившись за стойкой или в своей комнате. Но периодически

у моих родителей, Кори и меня совпадало расписание, и мы все собирались за столом. Джереми регулярно участвовал в этих сборищах.

Он был почти таким же привычным зрелищем в доме, как и Джесс. Когда мы были младше, мы вместе играли и катались на велосипедах, завязывая полотенца на шее, как плащи у супергероев. Мы прекратили это дело, когда мое полотенце попало в колесо, и я жестко разбила колени, встретившись с тротуаром. От вида крови у меня закружилась голова, и Джереми отвез меня домой, посадив на руль, управляя одной рукой, а второй держа меня за талию.

Когда парни перешли в старшие классы, все изменилось.

Пока росли, мы всегда чувствовали себя родней — конечно же, соперничали и спорили, — но в тот год стали чужими друг другу. Стена между моей комнатой и комнатой Кори еще никогда не была такой прочной. Видимо, они хотели вести себя как взрослые, поэтому вместо того чтобы тусоваться с Джесс и со мной, они привлекли внимание девчонок своего возраста — а то и постарше. Так что, пока мы сидели в моей комнате, читая бесконечные журналы и полируя ногти, они занимались своими делами.

— Что у тебя за хлопья?

Он зевнул и потянулся, открывая загорелый живот, который оказался сантиметрах в двадцати от моего лица. Я отвела глаза, чуть слотнула и уставилась на коробку.

— Ты что, сам читать не умеешь? — спросила я, посту-
чаяв по ярким буквам.

Джереми засмеялся, стряхивая остатки сна.

— Кажется, я еще не проснулся до конца, — сказал он, проходя к буфету.

Я сжалась над ним, взяла чистую миску и ложку и выставила их на край стойки. Он взял несколько коробок разом, не торопясь прочитал описание и поставил на место те, которые ему не понравились.

— Отец против вкусных хлопьев в доме, — объяснил он, повторяя процесс. — Слишком много сахара.

Я поболтала ложкой, зачерпывая самые разбухшие кусочки.

— Ну, будем честны: с восьмого класса он заделал мне уже шесть дырок в зубах. Думаю, мы подбираемся к моменту, когда у меня во рту пломб будет больше, чем зубов.

Он выбрал «Ризес Паффс» и «Кэп-н-Кранч» и провел пальцами по верхушкам коробок.

— Это странно: столько людей рассказывают, как папа залезал руками к ним в рот.

— Не могу сказать, что я тоже в восторге.

Он взял кухонные ножницы из ящика, вскрыл упаковку по линии разреза и стал насыпать хлопья, а я смотрела, как легко и уверенно он двигается.

Отчасти потому, что он столько лет провел здесь. Но, по правде, Джереми умел чувствовать себя как дома где угодно, и у него все получалось легко и просто. Как в тот раз, когда он ездил с нами на каникулы к бабушке и дедушке в Делавэр. В конечном итоге они больше расстраивались из-за его отъезда, а не моего.

Джереми и Кори светились уверенностью в себе, быстро и легко сделавшись спортсменами. Они оба были экстравертами, которые всегда рады побыть в свете софитов и повыдываться, а я по своей воле сдавала назад и наблюдала за ними со стороны.

Вообще, ярче всего разницу между нами показывал этот вечер, когда они веселились с кучей людей, а я забилась в спальню одна.

И самое худшее — Джесс не взяла трубку, когда я звонила.

Джерemi насыпал себе в миску приличную порцию обоих видов хлопьев.

— Э... я знаю, у тебя мало опыта, но обычно едят какие-то одни за раз.

Я искоса посмотрела на него, а он отмахнулся.

— Лучше сделаю свою смесь, чем брать ту, с единорогом-котом.

— Сначала попробуй «Котоединорога», а потом критикуй. Они довольно вкусные.

— И «мягические», как написано?

Я кивнула.

— Это специальная серия от «Келлог». У них были хлопья просто с единорогом, тоже ничего, но, видимо, маркетологи решили расширить серию. Вроде бы они нормальные, по крайней мере, отзывы на «Амазоне» хорошие. И они забавные.

Джерemi с интересом наблюдал за мной, и я запнулась, пытаюсь понять, не смеется ли он.

— Твое здоровье, Анна, — сказал он, и веселая улыбка сменила сонную.

Он протянул ложку, и я неохотно звякнула об нее своей.

— Значит, вместо того чтобы участвовать в распутных вечеринках старшеклассников, ты, как обычно, сидишь одна в комнате и смотришь телевизор?

В его тоне слышалось любопытство, а не осуждение.

— На самом деле кино, — призналась я.

— Какое?

— «Разрушитель».

— Знаешь, сейчас есть стриминговые сервисы, на которых ты можешь посмотреть фильм целиком, без перерывов на рекламу, — подколот меня Джереми, насыпая себе еще «Ризес Паффс», чтобы сбалансировать вкус.

— Там слишком много фильмов, долго выбирать, к тому же я люблю классику, которую за меня выбирает TNT.

— Ты считаешь «классикой» плохие боевики из девяностых?

— Типа того, да. — Я подергала завязки свитшота, не в силах сдержать искреннюю улыбку. — По крайней мере, для меня это так.

— А я-то думал, что в твоей семье ты самая разумная. Джереми шутил, но все равно был прав.

Кори был взбалмошным веселым парнем семьи Райт, с которым все хотели дружить. У него редко не бывало планов на субботние вечера, и вокруг него вечно вились девчонки, имена которых я не смогла бы вспомнить, даже если бы постаралась.

На его фоне я была скучной. Из тех, кто заканчивает список для чтения на лето за месяц до срока, кто никогда не попадает в неприятности, — та, мимо которой пролетает жизнь. Отстойное клише из старшей школы.

Я помешала ложкой сладкое молоко.

— Эй, попробуй, — сказал Джереми, резко возвращая меня в настоящее.

Его миска выглядела как арт-проект, в котором наде- лали ошибок. Молоко стало коричневым, и в нем плавали странные желтые кусочки.

— Это отвратительно.

Я кашлянула и быстро заела это зрелище своей нормальной смесью из одного вида хлопьев.

Он пожал плечами:

— Мне нравится.

Воцарилось неловкое молчание. Внезапно мне стало стыдно, что я так резко веду себя с ним, но, судя по всему, Джереми это не задевало. Может, он такой меня и видел: колкая мелкая критиканка, которая иногда оказывалась с ним в одной комнате и отнимала ценные воздух и пространство. Или он считал ниже своего достоинства обращать внимание на те мелочи, которыми я занималась. А может, он вообще не думал обо мне.

Невротичность была моей самой доверенной подругой, не считая Джесс.

— Кори сказал, ты работаешь репетитором и собираешься летом еще раз пройти академический оценочный тест.

Я кивнула в ответ.

— Я просто люблю школу, — сказала я с некоторым сарказмом.

— Ты что, учителем хочешь быть?

— Не особо.

Я выпила остатки молока; направление, которое принял разговор, было отвратительным. В последнее время при каждом разговоре с кем угодно мне в разных формах задавали этот вопрос, и я начала его ненавидеть. Я ответила спокойно только потому, что это был Джереми.

— Я люблю учиться, а репетиторство приносит больше денег, чем ресторан прошлым летом. Но я понятия не имею, что мне делать со своей жизнью.

Джереми поднял бровь.

— Что, даже в целом?

— Не все получают стипендию за баскетбол.

Он перебрался на стул рядом со мной.

— Кажется, я ее еще не получил.

— Даже если не будет стипендии, тебя все равно ждут в команде. Тебя готовили к этому чуть ли не с рождения.

Джереми скорчил гримасу, оттолкнув миску, и я поняла, что наступила на большую мозоль.

Я сменила тему разговора. У нас с Джереми была куча общих воспоминаний, некоторые из них прятались в фотоальбомах, но сейчас общение стало поверхностным. Проживем недалеко друг от друга еще с год или около того, а потом он уедет играть в баскетбол в какой-нибудь известный университет. И может быть, потом мы столкнемся, когда жизнь занесет нас домой.

Мы не делились друг с другом своими «надеждами, мечтами и глубинными страхами», и было бы странно лезть в его дела.

Но по какой-то причине я хотела это изменить.

Можно было назвать это неудовлетворенностью собственной жизнью или любопытством, вызванным усталостью, но внезапно я поняла, что изучаю Джереми.

Сейчас он сидел, погруженный в свои мысли. Склонил голову чуть влево, опираясь лбом на кончики пальцев, а пальцы правой руки рисовали круги на бицепсе левой. Жилы вздувались с каждым движением, и я с удивлением подавила в себе желание коснуться его кожи.

Он изменился с тех пор, как я в последний раз рассматривала его. А может, это я была слепой и никогда особо не вглядывалась. Его присутствие было постоян-

ным — идеальное дополнение к нашей семье и нашему кругу общения, и вообще было ощущение, что он все время рядом.

Джереми неплохо учился в школе, но в основном был известен своими успехами в спорте: в прошлом году он вывел нашу сборную в финал штата, где мы все наблюдали за их сокрушительным поражением от гораздо лучшей команды. Джереми набрал рекордные семьдесят очков и привлек внимание бесчисленных агентов от колледжей.

Благодаря своей природной харизме он блистал тем ярче, чем больше вокруг было людей, и умел этим пользоваться, отбалтываясь от нарушений в школе, в общественном бассейне, в кино и во многих других местах — всех не перечислишь.

Джереми мог бы обходиться и без этого, но он перебарщивал при любых обстоятельствах, и я впервые задумалась об этом.

Исходя из своего ограниченного жизненного опыта и того, что узнала за просмотром фильмов про героев и их врагов, я поняла: люди не становятся такими обаятельными просто так. Они искусственно создают эту ауру очарования ради защиты, из необходимости, и внезапно я отчаянно захотела узнать, как он это сделал и зачем.

Его жизнь со стороны казалась простой, даже беззаботной, но я знала больше о Джереми и его проблемах — в основном с отцом, — чем многие другие, просто потому, что выросла рядом с ним. Мне было интересно, пускал ли он кого-нибудь еще ближе, и эта идея завораживала меня.

Он провел рукой по макушке, как будто почувствовал мой пристальный взгляд. Его темно-каштановые волосы

были длиннее, чем обычно, и я всерьез задумалась о том, чтобы запустить пальцы в кудряшки у основания его шеи, умоляя его открыться мне.

Я не могла этого сделать, точнее — просто не сделала бы. Я была слишком робкой и почти предсказуемой в тот момент.

Но возможно ли это изменить? Почему я не могла радикально переделать свой характер за одно лето? Совсем как Логан Лэрни, который превратился из тощего прыщавого парнишки в высокого спортивного красавца между восьмым и девятым классом. Но меня не интересовала такая физическая перемена. Я хотела освободиться умственно, стать беззаботнее, легче и отважнее. Стать похожей на Джереми.

Его нога случайно коснулась моей, и я оценила свою напряженную позу: хотя мама столько лет придиралась к моей осанке, позвоночник остался деревянным. Я заставила себя ссутулиться, попытавшись скопировать небрежную позу Джереми.

Затем облокотилась на стол и вздохнула, думая, насколько я безнадежна.

Его взгляд метнулся ко мне, и наши глаза встретились слишком надолго, чтобы считать это чем-то проходным.

— Нравится то, что ты видишь?

Я вздрогнула, звякнув ложкой по стеклу. Было достаточно темно, так что он не увидел, как пылают мои щеки. Я откашлялась, не зная, как объяснить, что творится в моей голове.

— Ты сейчас изучала меня, — сказал он, смыкая губы в прямую линию.

Я втянула нижнюю губу, прикусив ее зубами. И поняла, что он прав. Я не просто хотела быть как Джереми — отчасти мне было интересно, каково быть с таким, как он: провести эксперимент, проникнуть под его защиту, примерить на себя его привычки. Так рациональная часть мозга пыталась оправдать мои мысли о нем, пока безрассудная часть, которой я редко позволяла вступать в силу, была в самом расцвете.

Джереми тряхнул головой, широко распахнул глаза и выдохнул через уголок рта. Я заворуженно следила за его губами, вода ручкой ложки вокруг своих. Он снова посмотрел на меня и слегка усмехнулся.

Мои мышцы напряглись, будто не знали, как действовать, когда мозг, осознавший, что именно находится рядом со мной, взорвался. Я встала, чтобы чуть увеличить дистанцию. Я не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя такой живой, осознающей каждое сокровенное желание своего тела. Внезапно я ощутила алчность.

Я несколько раз взмахнула руками, сбрасывая нервное напряжение, но голова кружилась.

У Джереми бывали такие же мысли? Его сердце колотилось в моем присутствии? Или он воспринимает меня только как назойливую младшую сестру? Он видит меня такой, как сейчас — метр шестьдесят семь, с худощавой фигурой, — или как пухлую двенадцатилетку с брекетами на зубах? Какие возможности в этой вселенной приходили ему в голову? И еще — я совсем с ума сошла?

Он смотрел, как я мечусь туда-сюда, с веселым выражением на лице, пока я не остановилась напротив холодильника.

— Джереми, — серьезно произнесла я.

Он взглянул на меня, скептически и в то же время любезно.

— Анна.

Мой речевой аппарат пытался оформить хоть один из мечущихся во мне вопросов, но вместо этого я выдала:

— Ты думаешь, я сексуальная?

Он подавился воздухом, а я заставила себя не реагировать. Внутри меня царил полный бардак, я ругала себя за прямоту и сомневалась в собственной нормальности.

— А ты думаешь, что нет?

Я вцепилась ногтями себе в ладонь. Я решила, что это первое испытание: быть и честной, и отстраненной, как будто беззаботное спокойствие — это норма для меня.

— Нет, — решительно сказала я и покачала головой. — Я считаю, что достаточно привлекательна, чтобы как-то с этим жить.

Я быстро взглянула на свой наряд: черно-полосатые легинсы, заправленные во флисовые тапочки-сапожки, поверх них старые баскетбольные шорты Кори, свитшот на размер больше, чем нужно, а под ним майка, футболка с коротким рукавом и рубашка с длинным рукавом. Я выглядела как неряшливый персонаж мультика, собравшийся в прачечную.

— Ну, может, не прямо сейчас, но в общем и целом.

Джереми постучал себя в грудь и откашлялся. Обалдеть: он впервые был ошарашен, а я полностью спокойна.

— Я просто хотела знать твое мнение, — беспечно надавила я, понимая, что это гораздо проще, чем я думала.

Ощувив уверенность, я стащила заколку с волос и встряхнула ими, только чтобы посмотретья в свое отражение в окне. Я хотела показаться естественно-сексуальной, но вместо этого выглядела как тронутая, так что собрала волосы обратно и закрепила их пучком на затылке.

— С чего бы это вдруг? — спросил Джереми, разглядывая мое лицо в поисках ответов.

Я застонала:

— Просто ответь на вопрос.

— Откуда такой интерес? Тебе всегда было плевать на все такое.

— Ты уходишь от ответа на вопрос, Джереми, — напомнила я. — Но это неправда. Мне не плевать на важные для меня вещи.

— Значит, мое мнение важно для тебя?

— Просто. Ответь. На. Вопрос.

Он скрипнул зубами — вряд ли его отец оценил бы это, — и я видела, с каким трудом он готовится мне ответить. Я раньше не видела, чтобы он сталкивался с трудностями. Я хотела посмотреть, как он делает и другие вещи, которых я еще не видела — и которые не приходили мне в голову до этого момента.

Джереми собрал посуду, чтобы помыть ее в раковине, но я вмешалась, отправив все в посудомойку. Закрыла дверцу и встала перед ним, скрестив руки на груди.

— Я не буду сейчас этим заниматься, Анна.

Мне нравилось, что он слегка выведен из равновесия, и приятно было знать, что в этом виновата я.

— Сейчас? — Я сделала шаг вперед, чтобы он не смог уйти, разве что если бы только отодвинул меня. И черт возьми, я хотела узнать, каково это. — Значит, есть и другой вариант? Я знаю твои планы на лето, Джереми: ты проведешь кучу времени в радиусе десяти километров от меня. Так что мы можем поговорить в любой момент, как ты будешь готов.

Он сузил глаза.

— Что с тобой такое? Это какой-то проект на лето?

— Нет, — сказала я вызывающе.

Я уперла руки в бока, готовая защищаться, но потом до меня дошло. Это могло бы помочь разобраться с зашкаливающими подростковыми гормонами, нарушить правила и напрямую поучиться у мастера самоуверенности.

— Но это отличная идея!

Джереми потер подбородок большим пальцем.

— Не понимаю.

— Послушай, Джереми, у меня сегодня случилось озарение по поводу моей безрадостной жизни, — призналась я, обводя рукой кухню.

Он хохотнул:

— Это Сильвестр Сталлоне и Уэсли Снайпс помогли?

— Не трогай «Разрушителя». Это отличный фильм, там есть отсылки к «Дивному новому миру» Олдоса Хаксли, а это один из моих любимых романов. Ты знаешь, что его сравнивают с...

Он притворился, что засыпает, в шутку падая на меня.

Я оттолкнула его, задержав руки у него на груди чуть дольше, чем было нужно.

— Джереми!

— Да, прости, ты говорила, как восхитительна твоя жизнь.

Я поехала, теряя терпение.

— Давай скажем просто. Моя жизнь очень скучна. Твоя — не такая скучная, несмотря на схожее воспитание. И я подумала, может быть, тебе будет интересно провести время со мной этим летом, чтобы помочь мне изменить свою жизнь.

Он побарабанил пальцами по стойке.

— И это имеет отношение к тому, что ты мне нравишься?

— А я нравлюсь? — спросила я. В моем голосе прозвучало столько надежды, что я смутилась.

— Я сейчас говорю гипотетически, Анна.

У меня упало сердце, и я заправила за ухо несуществующую прядь волос.

— Я просто перепроверяла. То есть просто хотела удостовериться, ну, не знаю, что тебе понравится проводить со мной время.

В конце предложения мой голос сделался неестественно высоким, но я очень гордилась тем, что сохранила зрительный контакт.

— Ты просишь меня заняться с тобой сексом? — Он усмехнулся, прикусывая язык.

Нет, я не просила, но от его уверенности в себе у меня задрожали колени.

Это было заразительно, и я хотела найти в себе нечто подобное. Я хотела ради разнообразия побыть кем-то совсем другим. Той, кто ночью сбегает из дома. Той, кто

пробует что-то новое. Той, кто действует, а не наблюдает, как действуют другие.

Я шагнула ближе к нему, собрав всю свою храбрость, и обняла за шею. Притянула его к себе, и он позволил мне это сделать.

— Не прошу, — прошептала я, молясь, чтобы смелый ход прикрыл мою нервозность. — Но я рада, что ты поднял эту тему.

Я прижалась своими губами к его губам, и спустя секунду шока он отреагировал, прижимая меня к себе.

Сочетание избыточного сахара в крови и Джереми оказалось для меня чересчур. Я как будто вылетела из тела, выкрикивая непристойности в пустоту. Я хотела двигаться. Я хотела коснуться его, двигаться рядом, чувствовать. И я двигалась, стремясь проникнуть в его губы языком, чтобы почувствовать кого-то, быть с кем-то, и я вдыхала это чувство.

Он скользнул рукой по моей спине, под слои одежды, водил ладонью по коже, пока у нас не кончился воздух в легких.

— Это что, сон?

Его вопрос прозвучал серьезно, но, честно говоря, я и сама думала о том же.

Он поцеловал меня еще раз, желая доказать, что это была не просто случайность. Мои руки затряслись, но не от нервов, а от желания, и я просунула большие пальцы в петли для ремня на его брюках, притягивая его еще ближе. Это было самое простое, самое умиротворяющее ощущение на свете, и я не могла поверить, что так долго не позволяла себе сделать что-то подобное.

Джереми отстранился, хватая ртом воздух. Его глаза были в сантиметрах от моих, и я искала в них следы сожаления или смущения. Но видела только желание.

В соседней комнате кто-то пошевелился, и его глаза метнулись к двери, потом обратно ко мне, оглядывая меня сверху вниз. Тут же вернулось ощущение реальности, и я, как и он, остро осознала, что солнце встает, а под окнами гостиной спит куча народу.

— Иди в кровать, Анна, — приказал он с неожиданным раздражением. На меня, на себя или на людей в доме — я не была уверена.

Но сама мысль оставить его в этот момент казалась невозможной. Я не могла представить, что мое тело — не говоря о ногах, которые были как желе, — позволит мне уйти отсюда.

— Ты пойдешь со мной? — спросила я как в бреду.

Его взгляд метнулся к моим рукам, и он болезненно вздохнул.

— Иди в кровать и подумай о том, чего просишь, потому что мне кажется, что ты и сама не понимаешь. А это полная ерунда, учитывая, что «обдумывание» и «Анна» почти синонимы.

Дымка вокруг нас рассеивалась, пока он говорил именно о том, от чего я пыталась дистанцироваться.

— Я не хочу думать, Джереми, — признала я, постучав его по подбородку, чтобы он посмотрел прямо на меня. — Я хочу чувствовать. Я хочу попробовать новое. Я хочу побыть в других местах. В том-то и смысл.

— И ты хочешь, чтобы я тебе помог?

Я кивнула.

— Найди меня позже, и мы поговорим об этом, — сказал он, выпуская меня из объятий. — Нам с Кори надо прибраться, а то ваши родители будут дома через пару часов.

Разум возобладал, но ненадолго, пообещала себе я. Я поднялась, еще раз коснулась его губ и побежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.